

А.Л.Салагаев, С.А.Сергеев

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ

Ключевые слова: правящая элита, региональная элита, субэлитная группа, Татарстан

Хотя исследования политических элит насчитывают уже свыше ста лет, даже само определение категории «элита» в западной и российской научной литературе не может считаться ни общепринятым, ни завершенным.

Часть исследователей и теоретиков связывает принадлежность к элите с происхождением или особой одаренностью, другая же часть делает упор на формальные позиции во властных иерархиях и реальный потенциал влияния. Первый подход, основоположником которого принято считать В.Парето¹, называют аксиологическим или меритократическим, второй — структурно-функциональным или прагматическим (он ассоциируется с именами Г.Моски², Г.Лассуэлла³ и Ч.Р.Миллса⁴).

Аксиологические теории элиты и даваемые в их рамках определения объединяет убеждение, что элита — это сообщество самых достойных во всех отношениях представителей общества, обладающих наиболее выдающимися способностями. Сторонники второго подхода подходят к категории «элита» намного прагматичнее; для них элита — это те, кто занимает высшие позиции в системе ключевых социальных и политических институтов и оказывает приоритетное влияние на принятие важнейших решений: «Причисляя индивидов к элите, мы вовсе не подразумеваем их особых достоинств, как, впрочем, и отсутствия этих достоинств»⁵.

Как отмечает А.Чирикова, современный уровень развития теории элит на Западе характеризуется все более выраженной прагматичностью и постепенным сужением понятия «элита» до понятия «политическая элита»⁶. Вместе с тем в подавляющем большинстве дефиниций акцентируется особость, исключительность элиты (по каким бы основаниям эта исключительность ни определялась).

Критерии, которыми руководствуются исследователи при отнесении того или иного лица к элите, обычно подразделяют на позиционный, репутационный и десизионный. Первый критерий исходит из того, какую позицию занимает индивид во властной иерархии; второй базируется на оценках экспертов; третий предполагает включение в элиту тех, кто принимает стратегические решения⁷. В то же время идентификация лиц, принимающих стратегические решения, чаще все-

¹ Парето 2008.

² Моска 1994а, 1994б.

³ Lasswell 1977.

⁴ Миллс 2007.

⁵ Крыштановская 2005: 73.

⁶ Чирикова 2010: 13.

⁷ Гаман-Голутвина 2006: 8—9.

го осуществляется с помощью экспертных оценок, что заметно сближает два последних критерия. Если же при такой идентификации ориентироваться, грубо говоря, на подписи под теми или иными документами, то десизионный критерий *de facto* трансформируется в разновидность позиционного (причем в наиболее жесткой версии).

Поэтому на практике исследователи нередко совмещают критерии, справедливо отмечая, что экспертные оценки субъективны⁸, а позиционный подход формален⁹. В частности, в работах Н.Лапиной и А.Чириковой использовались позиционный и десизионный критерии¹⁰, а в проекте Института ситуационного анализа и новых технологий «Самые влиятельные люди России: Политические и экономические элиты российских регионов» — все три вместе¹¹.

Возникновение региональных политических элит — явление для России относительно новое. И хотя есть работы, где понятие «региональная элита» употребляется применительно к провинциальной номенклатуре советского периода¹², нам ближе точка зрения, согласно которой региональная политическая элита — это все-таки постсоветский феномен, поскольку в советскую эпоху руководство регионов подвергалось довольно интенсивным горизонтальным перемещениям и перетасовкам¹³.

Несмотря на достаточно активное использование понятия «региональная элита» в академическом дискурсе, оно так и не получило четкого определения. Так, нередки тавтологические дефиниции («политическая элита региона», «элита конкретного региона»¹⁴), подразумевающие отсылку к концепту политической элиты. Авторы коллективной монографии под редакцией А.Дуки характеризуют региональную элиту как тех, чья позиция «в той или иной социальной системе... (по крайней мере, потенциально) позволяет... оказывать значимое влияние и принимать существенные в масштабах региона ... решения»¹⁵. Интересно, что, заявив о себе как о приверженцах позиционного критерия, при выявлении круга лиц, принадлежащих к региональным элитам, санкт-петербургские исследователи фактически сочетали его с десизионным. В свою очередь, их ростовские коллеги пошли по пути простого перечисления групп, входящих в региональную элиту: региональные политики, управленцы, руководители партий и движений, в том числе оппозиционных¹⁶. А определение, сформулированное Чириковой, полностью строится на десизионном критерии: «административно-политическая группа, являющаяся субъектом подготовки, принятия и реализации важнейших стратегических решений» в регионе¹⁷.

Исследования российских региональных элит, ведущиеся с 1993 г., позволяют говорить о широком спектре подходов к данному феномену. В.Мохов и В.Беляев, например, используют постноменклатурный подход (региональные элиты — наследники советской номенклатуры)¹⁸; подход О.Гаман-Голутвиной, рассматривающей развитие элит в длительной временной ретроспективе¹⁹, можно назвать историческим; в рамках социологического подхода делается акцент на социально-

⁸ Чирикова 2010: 34.

⁹ Гаман-Голутвина 2006: 9.

¹⁰ Лапина, Чирикова 1999: 12.

¹¹ Самые 2004.

¹² См., напр. Мохов 2003.

¹³ Гаман-Голутвина 2006: 376—377.

¹⁴ Мохов 1997: 85; Тюков, Запеклый, 1999: 86.

¹⁵ Дука (ред.) 2001: 85—86.

¹⁶ Понеделков, Старостин 2001: 23—24.

¹⁷ Чирикова 2010: 52.

¹⁸ Мохов 2003; Беляев 2007.

¹⁹ Гаман-Голутвина 2006.

²⁰ См., напр. Дука (ред.) 2001.

²¹ См. Афанасьев 2000.

²² См. Гельман, Рыженков, Бри (ред.) 2000: 19–23.

стратификационных характеристиках региональной элиты²⁰, в рамках клиентелистско-патронажного — на значении патронажно-клиентельных отношений в элитной среде²¹; в рамках неинституционального — на роли элит в функционировании региональных политических режимов²². В настоящей работе мы использовали неинституциональный подход, отражающий роль элиты в политическом процессе, в сочетании с социологическим, помогающим выявить различные субгруппы в составе региональной элиты.

* * *

Собственные политические элиты в регионах России стали формироваться на рубеже 1980—1990-х годов. В основе их расширяющегося влияния лежали следующие факторы:

- ослабление федерального центра, утрата им ряда прежних административных инструментов воздействия на регионы;
- изменение механизма формирования региональной власти (выборы глав субъектов Федерации);
- открывшиеся перед региональными руководителями возможности для конвертации их власти и социального капитала в собственность;
- увеличение административных и экономических ресурсов региональной власти²³.

²³ Чирикова 2010: 44–45.

Степень автономии некоторых региональных элит в 1990-е годы была столь высокой, что Россия балансировала на грани превращения в конфедерацию. Необходимая для развития страны децентрализация обернулась попустительством Москвы партикуляристским устремлениям и правовому нигилизму региональных элит. Последние, в свою очередь, вели себя все независимее, невольно вызывая ассоциацию с временами феодальной раздробленности. Наложившись на различия в социально-экономических условиях и политических режимах, неодинаковые правила игры федерального центра по отношению к регионам вызвали к жизни региональную асимметрию, справиться с которой не удалось и спустя десятилетие рецентрализации²⁴. Влияние данного обстоятельства на процессы элитообразования сильнее всего проявилось в бывших российских автономиях, где, несмотря на полиэтничный состав населения, региональная элита формировалась главным образом из представителей так называемой «титупьной нации».

²⁴ Там же: 46.

Политическая элита Татарстана (далее РТ) долгое время могла рассматриваться как типичная для республик РФ: сельская по происхождению, номенклатурная по роду предшествующей деятельности, авторитарно-патриархальная по политической культуре, клановая (то есть делающая упор на личную лояльность) по характеру взаимоотношений между своими членами и преимущественно моноэтническая²⁵. Наряду с этими безусловно присущими ей чертами обычно упоминают ее мо-

²⁵ Фарукишин 1994: 67–79.

нолитность и однородность — и по отношению к внешнему окружению она действительно является таковой.

Что же способствовало формированию именно такой элиты? В исследованиях, посвященных процессам трансформации тоталитарных и авторитарных режимов, выделяются несколько моделей перехода, при которых смена режима влечет за собой и смену основных акторов, — реформа, революция, пакт, навязанный переход («революция сверху»). Однако среди моделей перехода есть и та, что не предполагает смены акторов. М.Бартон, Р.Гантер и Дж.Хигли определяют ее как «прямую трансформацию»²⁶. В этом случае режим изменяется, но у власти остается прежняя элита, адаптирующаяся к новым институтам. По всей видимости, в Татарстане, в отличие от ряда других российских регионов, в 1990—1991 гг. имела место как раз «прямая трансформация», определившая развитие региона на десятилетия вперед. Существует явная корреляция между «прямой трансформацией» и этнократизацией бывших автономий: там, где транзит начала 1990-х годов сопровождался более или менее длительным периодом неопределенности и борьбой элит (Мордовия, Чувашия), этнократические режимы не возникли (хотя и здесь чаще всего складывался моноцентричный режим, суть которого В.Гельман описывает с помощью метафоры «победитель получает все»²⁷).

²⁶ *Burton, Gunther, Higley 1992: 323—348.*

²⁷ *Гельман, Рыженков, Бри (ред.) 2000: 42—48.*

Вместе с тем более тщательное изучение взаимоотношений между членами политической элиты РТ привело нас к выводу, что она далеко не столь монолитна, как это представлялось первоначально (и нам в том числе). Она едина, но состоит из нескольких групп, названных нами элитными группами второго порядка (субгруппами), или кланами, наиболее крупные из которых обладают своей собственной внутренней иерархической структурой. Каждая из групп имеет лидера, являющегося безусловным авторитетом и эталоном для ее членов. Эти группы в той или иной мере обособлены друг от друга, а порой даже жестоко враждуют²⁸.

²⁸ *См. Салагаев, Сергеев 2004: 164—183.*

Подобного рода единая, но сегментированная («композиционная») элита представляет собой промежуточный вариант между моделями монолитной элиты и раскола элит: в рамках единой элиты сосуществуют субэлитные группы, одни из которых могут сотрудничать между собой, образуя коалицию, другие же пытаются оспорить их гегемонию и отстаивать свои интересы.

На рубеже 1990—2000-х годов, когда мы приступили к исследованию региональной элиты РТ, в ее составе можно было выделить пять субэлитных групп — М.Шаймиева, Ф.Мухаметшина, Р.Минниханова, Р.Муратова и К.Исхакова. После назначения Исхакова в ноябре 2005 г. полномочным представителем президента в Дальневосточном федеральном округе члены его группы были частично поглощены другими группами, частично же переместились в ДФО.

В то же время лидеры субэлитных групп входили в группу главного республиканского лидера, Шаймиева, являвшуюся основной. Это

позволяло сохранять единство элиты, несмотря на противоречия между лидерами отдельных групп (не исключено, что ссоры между ними разжигались специально, чтобы дать возможность верховному лидеру выступить в роли арбитра или поставить на место не в меру амбициозного лидера второго плана, как это не раз бывало с Исаковым).

Рассмотрим данные субэлитные группы подробнее.

Лидер первой (ведущей) группы Шаймиев родился 20 января 1937 г. в дер. Аняково Актанышского района ТАССР, окончил Казанский сельскохозяйственный институт по специальности инженер-механик (в 1959 г.). В 1969—1983 гг. он был министром мелиорации и водного хозяйства ТАССР, затем (очень недолго) занимал пост первого заместителя председателя Совета министров ТАССР. Советские должности в карьере Шаймиева перемежаются с партийными: в 1983—1985 гг. он секретарь Татарского обкома КПСС, в 1985—1989 гг. — председатель Совета министров ТАССР, в 1989—1990 гг. — вновь первый секретарь Татарского обкома КПСС. Вместе с тем перечень должностей Шаймиева свидетельствует о его принадлежности скорее к управленцам-хозяйственникам, чем к партийным функционерам. В 1990—1991 гг. Шаймиев — председатель Верховного совета ТАССР, а с 12 июня 1991 г. по 25 марта 2010 г. — президент Республики Татарстан.

Группа Шаймиева стала складываться не позднее 1989—1990 гг. Быстрое выдвижение ее на ключевые позиции как в политической, так и в экономической жизни республики объяснялось следующими причинами.

В позднесоветский период в ТАССР, как и в большинстве других республик и областей Советского Союза, сегментация номенклатурной элиты во многом обуславливалась сферой деятельности различных номенклатурных сегментов: партийные функционеры республиканского уровня (обком); управленцы-хозяйственники республиканского уровня (Совет министров); городские (казанские) управленцы; директорат промышленных предприятий (здесь выделялись по меньшей мере две группы — нефтяники и директора предприятий ВПК); аграрии. С аграриями Шаймиев был тесно связан, но принадлежал все-таки ко второй группе. Первая группа утратила свои позиции: первый секретарь обкома КПСС Г. Усманов ушел на повышение в Москву, а секретари обкома А. Булатов и А. Родыгин лишились своих постов, после того как в феврале 1990 г. до Казани докатилась волна «областных революций». Опираясь на аграриев, Шаймиев заключил союз с «нефтяниками», директора же предприятий ВПК и городские управленцы оказались разгромлены, став главными мишенями демократического движения, тем самым расчистившего для группы Шаймиева путь к полной власти в республике.

Группа Шаймиева отличается наиболее сложной внутренней структурой. Наиболее близкий, интимный круг образует «семья» — близкие родственники Шаймиева (жена, сыновья, племянники, зять и др.). Сыновья экс-президента РТ Айрат и Радик считаются одними из богатейших людей не только в Татарстане, но и в России, регулярно фигурируя в рейтингах российских миллиардеров²⁹.

²⁹ 500 миллиардеров 2008; Рейтинг 2009; Список Forbes 2012: 258, 264.

Следующий, практически столь же близкий круг — это друзья «семьи». Здесь в первую очередь стоит упомянуть нынешнего президента РТ Минниханова и его братьев, а также А.Сафарова, в 1998—2012 гг. занимавшего пост министра внутренних дел Татарстана (с мая 2012 г. — вице-премьер РТ).

Третий, достаточно многочисленный круг составляют «социально близкие» — высокопоставленные функционеры, преимущественно этнические татары, как правило, выходцы из деревень с сельскохозяйственным или ветеринарным образованием. Таковы в большинстве своем главы муниципальных образований (ранее — главы администраций городов и районов республики). Вместе с тем к данному кругу правильно было бы, наверное, отнести и тех, кто долгое время работал с Шаймиевым (деревенское происхождение и сельскохозяйственное образование остаются *conditio sine qua non* вхождения в данный круг).

Наконец, четвертый круг образуют функционеры, выделенные и приближенные Шаймиевым ввиду их деловых качеств и безусловной личной лояльности. Эта группа наиболее разнородна и в возрастном, и в этническом отношении. К ней относятся, в частности, О.Морозов, долгое время бывший вице-спикером Государственной Думы, а сейчас назначенный начальником Управления внутренней политики президента РФ; председатель Нацбанка Татарстана Е.Богачев; вице-президент Академии наук Республики Татарстан, директор Института истории АНРТ Р.Хакимов (ранее он был советником Шаймиева по политическим вопросам) и др. К той же группе, вероятно, следует отнести и мэра Казани И.Метшина.

Вплоть до 2010 г. группа Шаймиева контролировала и другие субгруппы в правящей элите: Мухаметшина, Минниханова, Муратова.

В группе, объединившейся вокруг фигуры председателя Госсовета РТ Мухаметшина, нет таких ярких личностей, как в группе Шаймиева. Нет в ней практически и родственников Мухаметшина. В основном эта группа состоит из людей, работавших под его руководством в Верховном совете (1990—1995 гг.), Кабинете министров (1995—1998 гг.) и Госсовете РТ (с 1998 г.).

Характерно, что, начав карьеру в партийных органах г. Альметьевска (центра нефтедобычи), Мухаметшин не взял с собой в Казань практически никого из своих прежних коллег.

Кроме нефтяников и сотрудников подчиненного ему в данный момент аппарата, Мухаметшин склонен использовать как кадровый ресурс татарскую этническую интеллигенцию: журналистов, поэтов, писателей. Так, первым заместителем Мухаметшина в ГС РТ в 1999—2004 гг. был татарский поэт Р.Харисов.

Минниханов, долгое время (1998—2010 гг.) возглавлявший Кабинет министров РТ, стал, как известно, преемником Шаймиева. На начальном этапе своего формирования группа Минниханова очень сильно зависела от доминировавшей тогда группы Шаймиева, благосклонность которого, в сущности, и определила взлет братьев Миннихановых

(старший брат нынешнего президента РТ Рифкат — начальник Управления ГИБДД МВД РТ, младший, Раис, — глава муниципального образования «Сабинский муниципальный район»).

Вице-премьер РТ Муратов занимает ряд важных экономических и административных постов. Он возглавляет республиканскую комиссию по экономическим и социальным реформам, ценным бумагам и фондовому рынку, межведомственную комиссию по содействию малому и среднему бизнесу, межведомственную антитеррористическую комиссию, а также антикоррупционную комиссию. По поручению президента он занимался разработкой программы поддержки предпринимательства («регистрация предпринимателей „в одном окне“» и пр.), был председателем совета директоров транснациональной компании «Укртатнафта». Однако во второй половине 2000-х годов влияние Муратова и его элитной субгруппы стало уменьшаться.

Группа Исакова состояла из двух неравных частей, что отражало специфику рекрутирования ее членов. С одной стороны, в нее входили высокопоставленные городские чиновники и главы районных администраций г. Казани, работавшие ранее в районном и областном звене ВЛКСМ и КПСС, с другой — предприниматели.

Начиная с 2000 г. конфликт между республиканским руководством и администрацией Казани становится наиболее серьезным внутренним конфликтом в РТ. Подобные конфликты достаточно типичны для российских регионов, но особенность ситуации в Татарстане заключалась в том, что Исаков был назначен главой администрации, а не избранным мэром. Чаще всего интересы возглавляемой им элитной группы сталкивались с интересами групп Минниханова и Муратова. Поводов для столкновения было немало — это и разграничение в Казани муниципальной и государственной собственности, и предоставление преференций тому или иному бизнесу. Шаймиев как верховный арбитр старался не вмешиваться открыто в споры экономического плана, однако когда группа Исакова попыталась закрепиться на республиканском уровне (в частности, путем проведения своих депутатов в Госсовет РТ), это вызывало недовольство с его стороны. Успех группы Исакова на муниципальных выборах в октябре 2005 г. стал, как ни парадоксально, прелюдией к ее поражению, а его самого удалось вывести из внутриреспубликанской политики, предложив должность федерального уровня.

После того как в ноябре 2005 г. главой администрации Казани был назначен Метшин, ранее возглавлявший администрацию г. Нижнекамска и Нижнекамского района, элитная субгруппа Исакова начала распадаться. В течении 2006—2007 гг. многие ее члены постепенно перекочевали на Дальний Восток, чему способствовала и проведенная Метшиным чистка аппарата. Среди карьерных взлетов выходцев из Татарстана особенного внимания заслуживает назначение губернатором Амурской области бывшего директора казанского завода «Элекон» Н. Колесова. Следует подчеркнуть, что казанцы стали для Исакова

важным источником рекрутирования не только аппарата полпреда, но и дальневосточных региональных элит — в той мере, в какой полпред президента мог влиять на этот процесс.

Попытки заново сформировать областную элиту, игнорируя сложившиеся в Амурской области элитные социальные сети, отчетливо наружили пределы кадровой ротации в современной РФ. Через некоторое время у выходцев из Татарстана возникли большие проблемы: одни из них оказались под следствием по обвинению в злоупотреблении служебным положением и мошенничестве, другие предпочли вернуться в Татарстан.

Сам Исаков к тому времени уже сменил место работы. В октябре 2006 г. он занял должность заместителя министра регионального развития, продолжая в этом качестве курировать Дальний Восток. Но скандал в Амурской области, возможно, повлиял и на его карьеру. 14 июля 2008 г. он был назначен представителем Российской Федерации при Организации Исламская конференция. Данное назначение, по-видимому, минимизировало угрозу выдвижения его на пост полпреда в Приволжском федеральном округе или президента РТ, чего так опасалась группа Шаймиева.

Вместе с тем противостояние группы Исакова остальным группам не носило абсолютного характера. В начале 2013 г. Исаков стал вице-президентом футбольного клуба «Рубин» — своеобразной спортивной «визитной карточки» Татарстана.

С 2006 г. для региональной элиты РТ начался период наибольшей консолидации; столь консолидированной она, пожалуй, не была даже в 1995—1997 гг. До минимума ослабли позиции как группы Исакова, так и всех не входящих в элиту оппозиционных групп, лишившихся возможности оказывать сколько-нибудь значимое влияние на принятие политических решений и политический процесс в целом.

Однако консолидированная — не значит однородная. В условиях ослабления позиций Мухаметшина и Муратова к 2010 г. в региональной элите Татарстана осталась лишь одна фигура, по своей политической роли сопоставимая с Шаймиевым (хотя и уступавшая ему), — Минниханов. К тому времени только их элитные субгруппы сохранили существенное влияние на экономическую и политическую жизнь РТ. Вполне логично, что, задумавшись о прекращении «эры Шаймиева», федеральный центр сделал ставку на Минниханова. При этом, несмотря на определенные противоречия между возглавляемыми этими двумя лидерами группами, отношения между ними нельзя назвать враждебными. Экономическая и социальная политика Татарстана в 2000-е годы — это политика именно Минниханова.

Таким образом, выбор Минниханова в качестве преемника Шаймиева на посту президента Татарстана представляется далеко не случайным. Республику возглавил лидер одной из наиболее сильных элитных субгрупп, позиционирующий себя прежде всего как хозяйственник,

обладающий собственной сильной командой и не ассоциирующийся с эпохой борьбы за суверенитет 1990—1994 гг.

Политика нового президента характеризуется преемственностью по отношению к той, которую он проводил, будучи премьер-министром, поэтому каких-либо значимых изменений в экономической и социальной областях не ощущается. В сфере межбюджетных отношений сохраняется ставка на привлечение в республику максимально возможного объема финансовых ресурсов из федерального центра (по линии Фонда содействия реформированию ЖКХ, Универсиады и т.п.). Продолжает проводиться курс на авторитарную модернизацию, то есть модернизацию чисто технологического плана, не затрагивающую политическую систему, что проявляется, в частности, в повышенном интересе к опыту Сингапура и Малайзии. Технократический стиль мышления руководства Татарстана ярко иллюстрирует реплика Минниханова, прозвучавшая во время встречи с преподавателями Казанского национального исследовательского технического университета 11 марта 2013 г.: «Не секрет, что у нас все стали юристами, экономистами. Очень хорошие юристы есть — не будем принижать. Но инженер есть инженер. Это человек, который может переквалифицироваться и в юристы, и в экономисты — в кого угодно»³⁰.

³⁰ *Цит. по: Латыпов 2013.*

Несколько иная ситуация складывается в сфере кадровой политики. Здесь перемены более заметны. Возможно, это связано с тем, что раньше, до марта 2010 г., влияние Минниханова на кадровую политику было ограниченным. К тому же назначение его на должность президента РТ, вероятно, обуславливалось определенными гарантиями для Шаймиева — и не только для него.

Анализируя состав Кабинета министров Татарстана в 2010—2012 гг., нетрудно заметить, что представители группы Минниханова уравновесивались в нем представителями группы Шаймиева, причем влияние последней не только не ослабло, но, пожалуй, даже в чем-то усилилось: так, вице-премьером РТ — министром энергетики был И.Фардиев, руководитель ОАО «Татэнерго» и близкий родственник Шаймиева.

Соотношение «веса» элитных групп стало меняться лишь совсем недавно, по прошествии двух лет со дня наделения Минниханова полномочиями главы Татарстана.

После громкого скандала, вызванного применением пыток к задержанным в ряде отделений полиции Казани, в апреле 2012 г. ушел в отставку министр внутренних дел РТ Сафаров. Впрочем, он является слишком значительной фигурой, чтобы его можно было безболезненно исключить из состава региональной элиты Татарстана, и уже в мае 2012 г. Сафаров занял пост вице-преьера РТ (на него возложено обеспечение безопасности Универсиады—2013). Но старт масштабным кадровым изменениям был дан: вслед за назначением Сафарова были отправлены в отставку два вице-преьера, принадлежащие к группе Шаймиева, — З.Валеева и И.Фардиев. Первая была назначена директором музея-заповедника «Казанский Кремль», второй стал гендиректором ОАО «Се-

тевая компания», причем министерство энергетики РТ, которым он ранее руководил, было упразднено.

Значение этих перемен заключается в существенном усилении позиций нового президента (прежде всего в органах, управляющих экономикой). На протяжении более чем двух лет, с марта 2010 по апрель 2012 г., родственник Шаймиева Фардиев выступал в качестве противовеса Минниханову, защищая политические и экономические интересы группы бывшего главы республики. По прошествии двух лет негласные договоренности с Шаймиевым, вероятно, утратили силу, и Минниханов приобрел большую свободу в кадровых вопросах — чем и не преминул воспользоваться. Более того, президент РТ частично взял под свой контроль и энергетическую сферу, поставив во главе двух предприятий из трех (на которые было разделено ОАО «Татэнерго») своих доверенных лиц и придав Фардиеву заместителя из числа преданных себе людей (гендиректором ОАО «Генерирующая компания» стал Р.Хазиев, ранее возглавлявший Госкомитет по тарифам РТ, гендиректором ОАО «Татэнергосбыт» — бывший заместитель министра финансов РТ Р.Суллейманов, а заместителем гендиректора ОАО «Сетевая компания» — А.Юртаев, работавший в аппарате Минниханова с 1998 г.).

Эти последние по времени передвижки внутри «композитной» элиты заставляют вновь задаться вопросами: что представляет собой правящая элита Татарстана в целом и как изменился — если изменился — стиль ее деятельности?

Региональная элита РТ, состоящая в основном из сельских татар (а в селе проживает сегодня менее 25% населения республики), все так же неохотно делится властью с представителями иных социальных групп, будь то русскоговорящие татары, русские, горожане и пр. Но назвать эту элиту полностью закрытой нельзя — работающим, хотя и плохо, социальным лифтом являются земляческие связи и (что порой то же самое) принадлежность к тому или иному родственно-земляческому клану. Ясно, что рекрутированная таким образом элита не представляет всего социального и этнического многообразия жителей Татарстана. Отметим, в частности, что в Кабинете министров, сформированном Миннихановым после наделения его полномочиями президента РТ, был всего один русский — вице-премьер и министр информатизации и связи Н.Никифоров. Позднее еще один этнический русский (А.Сидоров) занял пост министра экологии и природных ресурсов. После назначения в апреле 2012 г. министром внутренних дел А.Хохорина (уроженца Татарстана, работавшего в Мари Эл и в Москве) и перехода Никифорова в мае 2012 г. на должность федерального министра связи, в правительстве РТ снова оказалось только двое русских.

Наблюдение за сменяющими друг друга представителями региональной элиты РТ и анализ их биографий позволяют утверждать, что для стиля старшего поколения элиты — выходцев из партийно-комсомольской номенклатуры — характерны большая умеренность («меру во всем соблюдай», как советовали древние), меньшая склонность к аван-

туризму как в социально-экономической, так и в политической сфере, но в то же время и большее недоверие к инновациям. Младшее поколение элиты, не прошедшее комсомольско-партийных «университетов» и обычно имеющее за плечами лишь некоторый опыт занятия бизнесом, склонно действовать с большим размахом, решительно, нахраписто, авантюристично и безграмотно. Разумеется, в каждом из поколений есть разные люди, но череда коррупционных скандалов, как правило, сопровождает представителей младшего поколения элиты, стремящихся жить «здесь и сейчас» и пренебрегающих стратегическим мышлением. Даже лучшие из них тяготеют к широкомасштабным и капиталоемким проектам, на поверку оборачивающимся пиаровской пустышкой.

* * *

Таким образом, политическая элита Татарстана обладает сложной структурой и включает в себя разные по характеру рекрутирования группы, которые могут бороться друг с другом и вместе с тем выступать единым фронтом по отношению к федеральному центру. В условиях давления со стороны центральной власти она сумела сохранить собственные механизмы самовоспроизводства, не допустив назначенцев извне на сколько-нибудь значимые должности. При этом региональная элита добилась режима наибольшего благоприятствования при получении федерального финансирования, участвуя во всех целевых программах, готовя и проводя мероприятия всероссийского и мирового масштаба (празднование тысячелетия Казани в 2005 г., Универсиада-2013, чемпионат мира по футболу в 2018 г.). Возвращение выборности глав регионов открывает перед лидерами политической элиты РТ новые перспективы и придаст им, вероятно, большую самостоятельность. Однако поднять квалификационный и моральный уровни региональной элиты может лишь реальная конкуренция между правящей элитой и контрэлитой.

Библиография

- 500 миллиардеров. 2008 // *Финанс*. № 7.
- Афанасьев** М.Н. 2000. *Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России*. — М.
- Беляев** В.А. 2007. Мировоззрение и социальное поведение современной правящей элиты // *Общественные науки и современность*. № 3.
- Гаман-Голутвина** О.В. 2006. *Политические элиты России: Вехи исторической эволюции*. — М.
- Гельман** В., Рыженков С., Бри М. (ред.) 2000. *Россия регионов: трансформация политических режимов*. — М.

- Дука** А.В. (ред.) 2001. *Региональные элиты северо-запада России: политические и экономические ориентации*. — СПб.
- Крыштановская** О. 2005. *Анатомия российской элиты*. — М.
- Лапина** Н.Ю., Чирикова А.И. 1999. *Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации*. — М.
- Латыпов** Т. 2013. *Рустам Минниханов о выборах в КАИ: «Когда есть конфликты, вся энергия уходит на борьбу, не остается на созидание»* (<http://www.business-gazeta.ru/article/76575>).
- Миллс** Ч.Р. 2007. *Властвующая элита*. — М.
- Моска** Г. 1994а. Правящий класс // *Социс*. № 10.
- Моска** Г. 1994б. Правящий класс // *Социс*. № 12.
- Мохов** В.П. 1997. Трансформация региональной политической элиты в переходный период: Некоторые тенденции // *На путях политической трансформации*. Вып. 8. Ч. 2. — М.
- Мохов** В.П. 2003. *Региональная политическая элита России (1945—1991 гг.)*. — Пермь.
- Парето** В. 2008. *Компендиум по общей социологии*. — М.
- Понеделков** А.В., Старостин А.М. 2001. Региональные этнократические элиты юга России // Игнатов В. (ред.) *Региональные элиты в процессе современной российской федерализации*. — Ростов-на-Дону.
- Рейтинг** российских миллиардеров. 2009 // *Финанс*. № 5—6.
- Салагаев** А.Л., Сергеев С.А. 2004. Комментарий по результатам экспертного опроса «Самые влиятельные люди России — 2003» в Республике Татарстан // *Самые влиятельные люди России — 2003: Политические и экономические элиты российских регионов*. — М.
- Самые влиятельные люди России — 2003: Политические и экономические элиты российских регионов**. 2004. — М.
- Список Forbes**: Ежегодный рейтинг. 2012 // *Forbes*. Май.
- Тюков** Н., Запеклый А. 1999. Элиты российских регионов — формирование и развитие // Мельвиль А. (ред.) *Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе*. — М.
- Фарукшин** М.Х. 1994. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // *Полис*. № 6.
- Чирикова** А. 2010. *Региональные элиты России*. — М.
- Burton** M., Gunther R., Higley J. 1992. Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe: An Overview // Gunther R., Higley J. (eds.) *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. — Cambridge.
- Lasswell** H. 1977. *On Political Sociology*. — Chicago, L.